

Лабораторные истины дня

Два года назад в альманахе «Сибирь» появился рассказ **Веры Захаровой «Ваш образ милый»**, вызвавший оживленный интерес если и не у широкого круга читателей, то, по крайней мере, литературных кругов Иркутска: рассказ был ладно скроен и крепко сшит, глубоко психологичен и современен. И еще он был интересным! Возникли вопросы — кто это — Захарова? Откуда? Чем объяснить столь высокий художественный уровень дебюта? А между тем новоявленный прозаик была далеко не начинающей. У нее к этому времени уже было две книги, печаталась в московском коллективном сборнике, а ангарчане чуть ли не двадцать лет следили за ее творчеством по литературным страницам городской газеты, где под фамилией автора стояло: оператор нефтехимкомбината. Дело в том, что Вера Захарова писала стихи.

Я знаю, я обязана сказать

От имени мне вверенного мира,

Неловко пусть, но, обручившись с лирой, -

Сказать, о чем обязана сказать.

И она говорила тихо и проникновенно о вверенном ей мире, не таком уж и большом — любовь, пейзажи, радость материнства, экскурсии в детство — то есть как все молоденькие поэтессы. И все же было в стихах нечто такое, что заставило задуматься раньше, чем отложить их в сторонку: в лучших произведениях и первого сборника — **«Я здесь уже была»** (1968) — и второго — **«Дневник»** (1973) — явственно обозначались глубокие вопросы бытия и проблемы духовной деятельности, пролистнуть которые невозможно. Я говорю «обозначались», а не «ставились» потому, что им было тесно в регламентированной стихотворной строке.

Уже в первом своем рассказе писательница почувствовала себя в своей родной стихии: повествование ведется свободно, на полном дыхании, образность слова получает зримую объемность, художественная мысль высвечивается с разных точек, а привычная поэтическая лиричность пропитывает ткань произведения куда весомее, чем это удавалось в стихе, появился и подлинный симфонизм в разработке темы.

Второй рассказ — **«Командировка по новой специальности»** открыл для Веры Захаровой и еще одну великолепную возможность прозы: возможность исследования человеческой души не в тех или иных конкретных поступках, а в предыстории их, в готовности человека к их свершению. Причем исследование это ведется не умозрительно, не рефлекторно, а изображением картин живой жизни, что позволяет читателю с

интересом следить за восхождением героя на обрывистую площадку предстоящего поединка. Никакой тягучести, никакой занудности — все калейдоскоп и что, любопытно, даже с улыбкой. И страшновато. Страшновато за себя. Не помню, кто говорил, что читать Достоевского подчас неприятно, как неприятно было смотреть даже наедине документальный фильм о таких наших темных помыслах и побуждениях, что будь они реализованы, человек согласился бы скорее живьем провалиться в тартарары, чем увидеть все это воочию. Так вот, «страшновато» — из этой серии. Вера Захарова художник правдивый, точный и безжалостный. Мы с вами убедились в этом, только что перевернув последнюю страницу ее романа **«Семейные неприятности»**.

Итак, в семье Мартыновых неприятности. Но «неприятности» — очень обтекаемое слово. Здесь не неприятности, здесь трагедия. И трагедия не только этой семьи, а множества других семей, как этом небольшом сибирском городе, где происходит действие, так и дальше — в области, республике...

Рассказ ведется от имени Нины Сергеевны, матери семейства, и то, что для нее все происходящее всего лишь неприятности, только углубляет сознание глобальности этой трагедии.

Дело в том, что дочь Мартыновых, Марина, восемнадцатилетняя студентка, потерялась, исчезла, прошло уже две недели, а о ней ни слуху ни духу. Возможно, она с часу на час заявится домой, а возможно, этого не случится никогда.

Почему это случилось? С поиска ответа на этот вопрос, заданный себе Инной Сергеевной, и начинается повествование. На все остальные вопросы она, должно быть, себе уже ответила. И этот — почему? — оказался вопросом из вопросов, чтобы ответить на него, потребовалось посмотреть на всю нашу жизнь беспристрастно, с объективностью лаборанта-химика. И Нина Сергеевна проводит этот «анализ», на первый взгляд, весьма профессионально. Она знает, что для получения объективной картины не требуется подвергать анализу большую массу вещества, достаточно единой капельки его. Такой капелькой является ее собственная семья. Семья — это прежде всего она, Нина Сергеевна, две дочери — потерявшаяся Марина и ангелочек Ляля, обе хорошие, но унаследовавшие от отца кое-какие отрицательные черты, и, наконец, ее муж Глеб — эгоистичный, безвольный, бездарный...

Сама Нина Сергеевна по всем социально-анкетным статьям — герой положительный: она прекрасный работник, хотя, похоже, не только из скромности склонна рассматривать как случайность свою карьеру, награды,

авторитет. Она хорошая общественница, поскольку не делает из этого профессии, а все в меру, «через три интервала», чтобы и «галочка» была, и никому не в тягость это было. Она хороший товарищ, чуткий и отзывчивый (в эпизодах с сумасшедшим изобретателем и т.п.). Она просто хороший человек, поскольку никому в мире не желает зла, как это делает, например, Света или Яна Рохлякова; она не погрязла в мире вещизма и накопительства, но не ударились и в другую разновидность сегодняшнего мещанства — в ложь интеллектуального дилетантизма. Как же должно быть жаль эту красивую во всех отношениях женщину, если в ее тридцать семь обстоятельства превратили ее в старуху, это ее-то! — всегда такую молодую!

А вот не жалко. Не жалко, и все тут!

Жалко Марину. Где она? Жива ли? Для Марины нет места в «анализе» Нины Сергеевны. Для риторических вопросов по ее поводу есть, для патетических восклицаний и кликушеских стенаний тоже есть. А для Марины нету: все внимание на себя, на свое самостное. Исчезновение Марины, в конце концов, только повод для воспоминаний о себе хорошей, о загубленности своей. Жалко десятилетнюю Лялю: лет через восемь, если не раньше, исчезнет и она. Что она исчезнет, Нина Сергеевна знает и боится и не хочет проектировать Лялиного будущего, потому как знает: исчезнет.

Жалко и Глеба. Уж его-то, казалось бы, чего жалеть! А вот жалко! Может быть, не такой уж он и плохой, почему мы должны верить на слово Нине Сергеевне? Может быть, его жизнь загублена не меньше, чем ее? Не в генах Глебовой натуры надо искать причину гибели Марины. Надо ее искать в других, более зримых палестинах. Да, виноваты прежде всего родители. Глеб самоустранился от ответственности за судьбу детей. Нина Сергеевна не может быть матерью, способной воспитать нравственного ребенка, потому что сама не имеет достаточно прочных нравственных представлений, необходимых в материнстве. Их несостоятельность как родителей — зло гораздо большее, чем зло экономической несостоятельности хозяйствования комбинатовского начальства, чем зло девальвации общественного «воспитания масс»» путем вручения незаслуженных наград и вознаграждений, хуже других социальных пороков и неурядиц, поскольку она — зло, проектирующее гибель детей, то есть будущего.

Вот мы и подошли к ответу на «вопрос вопросов» — почему погибла Марина.

Автор сумела подвести нас к этому ответу весьма тонко и ненавязчиво: в обществе произошло разрушение нравственной цельности и природного предназначения женщины — быть матерью, женой.

Видимо, не случайно Нина Сергеевна не имеет семейной биографии. Она воспитывалась как личность свободная, как центр вселенной, как главная производительная единица, но ни в коем случае не как будущая мать.

В повести она не первая из разрушенных женщин. И у нее была мать. Тоже эмансипированная (это слово несколько раз в романе прорывается у Нины Сергеевны по отношению к Марине и каждый раз с негативным оттенком). Но — боже мой! - какое жалкое это «эмансипе»! Напрасно Нина Сергеевна пытается убедить нас, что она — любящая дочь. Ничуть не бывало. Они чужие. Все время — чужие, поэтому у Нины Сергеевны и не было детских и девических лет. И на смертном одре мать ничего не может передать ей, потому как сама оказалась нищей. И умирать ей страшно. Она готова только дать расписку. Кому? В чем? В том, что жизнь не состоялась? Этому мы и так верим.

Нина Сергеевна одинока. Господи, как она одинока!

Красавица, умница, все понимающая, все сознающая, кроме себя самой.

Могла ли она быть счастливой не с Глебом, не с Валеркой, а с кем-то третьим, идеальным? Никогда! Ее разрушили — сознательно, с самыми благими намерениями — разрушили прочно и навсегда блеском ложных ценностей, лживыми обещаниями и повальными примерами.

Что же она скажет на своем смертном одре Марине, Ляле? Есть у нее что сказать?

Пока нет. Нечего. Но автор не закрывает ей пути к приобретению.

От самооправдания до самопознания — вот какой шаг к истине помогли ей сделать переживания за судьбу дочери (впервые) и весь этот «анализ», хоть и был он далеко не объективным.

Первый шаг сделан. Будут и последующие. Не зря же она, Нина Сергеевна, видит в маленькой дочери будущую женщину. Должно быть, должно состояться то, что она скажет Ляле в тот самый час!

Не зря и многогрешный Глеб спит «искаженный и захваченный сном и озабоченный сознанием, что пора проснуться», «что неминуемо должен проснуться».

Сведя весь разговор только к несостоятельности семьи Мартыновых, мы, конечно, сильно обеднили идейно-художественное содержание романа. Оно значительно шире и глубже. Но и такой, зауженный, взгляд позволяет нам увидеть, как ответственно подошел автор к исследованию одной из важнейших проблем сегодняшнего дня — проблеме нравственного совершенствования личности как неперемного условия здоровья общества.

«Семейные неприятности» — первая прозаическая книга Веры Захаровой. Эта книга надолго. Она останется в нашей литературе как честное свидетельство тонкого художника о духовных поисках современника.

Китайский С.

Захарова В. Г. Семейные неприятности / В. Г. Захарова. – Иркутск, 1983. – С. 219-222.